

Буневич Д.С.

КРЫМСКИЙ КРИЗИС 2014 ГОДА И СОЗДАНИЕ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуется процесс эрозии Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в период после окончания холодной войны. Мировое сообщество длительное время признавало за Вашингтоном решающую роль во всех вопросах, касающихся международной безопасности. Однако агрессивная внешняя политика США на Балканах и Ближнем востоке привела к существенному ослаблению международных институтов и размыванию принципов международного права. В этих условиях всё более очевидным становилась деструктивная роль США в качестве единственной мировой сверхдержавы. Методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-политический, геополитический и культурно-цивилизационный подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, моделирования, наблюдения. Крымский кризис отчётливо обозначил необходимость выработки принципиально новых правил международного общежития. В Крыму Москва оспорила существующий миропорядок, основанный на гегемонии США, при этом Россия, несмотря на введённые против неё санкции, не оказалась в дипломатической изоляции. Если Россия сможет выдержать политическое и экономическое давление США и их союзников, а также мобилизовать и структурировать усиливающееся недовольство американской гегемонией, то мир окажется в принципиально новой ситуации. Автор прогнозирует, что новая (крымская) система международных отношений будет во многом опираться на принципы Венской системы.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, Россия, Крым, конфликты, дипломатия, государство, интересы, ценности, безопасность.

Review. The article investigates the process of the erosion of Yalta-Potsdam system of international relations of the post-Cold War era. The world community was in accordance with the fact that Washington has played the leading role in all matters relating to international security. Aggressive US foreign policy in the Balkans and the Middle East led to a significant weakening of international institutions and the erosion of the principles of international law. Destructive role of the United States as the sole superpower became more and more apparent over time. The methodological basis of the study constitute a systemic, structural-functional, comparative-historical, comparative political, geopolitical, cultural and civilizational approaches, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, modeling, observation. It is concluded that the Crimean crisis has shown the need for new rules of international coexistence. In Crimea, Russia challenged the existing world order, which is based on US hegemony. And Russia, despite the sanctions deployed against it, did not find itself in diplomatic isolation. If Russia successfully overcomes the political and economic pressure from the US and its allies, and mobilizes and structures the growing global discontent with the American hegemony, then the world would be facing a fundamentally new outlook. The author predicts that the new (Crimean) the system of international relations will follow the principles of the Vienna system.

Keywords: diplomacy, conflicts, Crimea, Russia, forin policy, international relations, state, interests, values, security.

Окончание холодной войны и распад Советского Союза кардинальным образом изменили ситуацию на «великой шахматной доске» — фактическая капитуляция СССР обозначила конец эпохи биполярного

разделения мира. Однако конец старого миропорядка и появление нового не были формально и институционально закреплены, как это происходило после окончания глобальных конфликтов прошлого (Вестфальский мир завершил

Тридцатилетнюю войну, Венский конгресс — Наполеоновские войны, Версальский мир — Первую мировую войну, а Ялтинские и Потсдамские соглашения — Вторую мировую)^[1].

В связи с этим ещё в конце 1980-х гг. стала обозначаться постепенная эрозия Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, которая в 1945 г. зафиксировала состояние мира, разделённого на два военно-политических блока, возглавляемых Советским Союзом и Соединёнными Штатами. Адекватная для периода холодной войны Ялтинско-Потсдамская система выполнила свою главную функцию — не допустила Третьей мировой войны между западным и восточным блоками. Но поражение СССР в борьбе за глобальное лидерство не сопровождалось работой по выработке новых формально закреплённых правил международного общежития. Не было подписано какого-либо фундаментального соглашения, закрепляющего новые «правила игры» и роли участников международных отношений на мировой политической сцене.

Поэтому последние двадцать пять лет характеризовались постоянным ослаблением международных институтов и размыванием принципов международного права, сформировавшихся по итогам Второй мировой войны, которые всё больше расходились с геополитической реальностью современности. Двойственный статус России, остававшейся одним из гарантов поддержания мировой стабильности, и одновременно воспринимавшейся на Западе в качестве проигравшей холодную войну державы, хорошо иллюстрировал противоречия всей системы. Москва сохранила своё место постоянного члена Совета безопасности ООН и в полном объёме унаследовала советский ядерный арсенал, но практически утратила влияние за пределами постсоветского пространства и смела только надеяться на постепенное включение в привилегированные западные клубы^[2].

Одновременно с этим Соединённые Штаты формально оставались только одной из держав, ответственных за поддержание международного мира и стабильности, но на практике были единственной сверхдержавой, способной навязывать всему мировому сообществу своё понимание глобального будущего.

Отказавшись от предложенной М. Горбачёвым концепции «сотрудничества сверхдержав»^[3], объединённых «общечеловеческими ценностями», США сделали выбор в пользу глобального доминирования и начали рассматривать весь мир как зону своих национальных интересов. Этот выбор подкреплялся и одновременно обосновывался общефилософскими мондиалистскими концепциями, такими как «конец истории» Ф. Фукуямы^[4] или различные оптимистические варианты теории глобализации^[5].

Отдельные попытки некоторых стран обозначить пределы американского доминирования не имели успеха и приводили только к тому, что США начинали активнее работать на разрушение Ялтинско-Потсдамских институтов. Так, усилия России, Германии и Франции по недопущению американского вторжения в Ирак в 2003 г. привели лишь к тому, что Вашингтон проигнорировал необходимую процедуру и начал войну против режима С. Хусейна без одобрения Совбеза ООН, используя в качестве предлога информацию о разработке иракцами оружия массового поражения, которая впоследствии не подтвердилась. Также определённое сопротивление вызывало и навязанное мировому сообществу Соединёнными Штатами отделение Косово от Сербии, которое было проведено под явным нажимом и с нарушением норм международного права^[6].

То есть, весь период после окончания холодной войны США, формально не отказываясь от принципов Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, учитывали её правила постольку-поскольку они соответствовали стратегическим целям Вашингтона, не смущаясь многочисленных нарушений правил, за соблюдением которых они и должны были следить.

Американские политологи характеризовали роль США на мировой арене в этот период в диапазоне от «консенсусного лидерства» (при администрациях Б. Клинтона и Б. Обамы) до «одностороннего доминирования» (при Дж. Буше-мл)^[7]. Несмотря на формальные ограничения, сохранившиеся и после окончания холодной войны, *de facto* в мире признавали, что Вашингтон имеет решающий голос во всех вопросах и без его поддержки невозможно осу-

ществование сколько-нибудь значимых шагов, способных повлиять на глобальный и даже региональный расклад сил. Таким образом, при участии самих США постоянно происходила хоть и медленная, но от того не менее последовательная, эрозия формальных и неформальных правил Ялтинско-Потсдамской системы.

Крымский кризис 2014 г. обозначил начало острой фазы разрушения существующей системы международных отношений и старт процесса её глобального переформатирования. Вероятно, именно в Крыму был зафиксирован конец т.н. «момента однополярности». Так в 1990 г. американский исследователь Ч. Краутхаммер^[8] обозначил глобальное положение, при котором Соединённые Штаты являются бесспорным глобальным лидером и могут фактически в одностороннем порядке навязывать миру своё понимание мировых процессов. Дальновидные американские теоретики международных отношений (Зб. Бжезинский, Э. Люттвак)^[9] предупреждали, что «момент однополярности», начавшийся после краха СССР, не будет длиться бесконечно долго и Соединённым Штатам необходимо заранее подготовиться к созданию новой системы. К сожалению, эти призывы не были услышаны — США приложили немало усилий для дискредитации и разрушения Ялтинско-Потсдамской системы, но не использовали свои ресурсы для формирования новых правил, которые фиксировали бы новую геополитическую реальность и позволяли привлечь ведущие мировые центры силы к поддержанию стратегической стабильности на планете. Напротив, эпоха безраздельного господства США характеризовалась ростом напряжённости во многих регионах мира, постоянными вспышками насилия и ощущением общей непредсказуемости и неопределённости ситуации.

В 2014 г. Россия, обеспокоенная развитием политического кризиса на Украине, признала, несмотря на протесты США и ЕС, итоги крымского референдума и пошла на воссоединение с полуостровом. Этим актом Москва не только бросила Соединённым Штатам открытый геополитический вызов, но и прямо заявила о своей готовности не подчиняться тем правилам, которые фактически сложились в мире после распада СССР, но никогда и нигде не были

формально закреплены. Следует признать, что в результате принятых решений международная безопасность и всеобщий мир оказались под угрозой — существующая архитектура международных отношений, над эрозией которой два с половиной десятилетия работали США и их союзники, с очевидностью продемонстрировала своё несоответствие современности. А действия России в Крыму показали, что неформальные правила, основывающиеся на доминировании США, могут быть оспорены с той же лёгкостью, с какой США нарушали формальные правила на Балканах и Ближнем Востоке в последние два десятилетия.

Особенно важно, что Россия, решившаяся в Крыму на «повышение ставок» в своей внешнеполитической игре, не оказалась ни в стратегической изоляции, ни даже в одиночестве. Как показывают голосования в ООН, мобилизационные возможности США пока ещё включают в себя большую часть Европы, Японию, Канаду, Австралию, значительное число африканских стран и отделенные государства в других регионах мира. Но примерно половина государств-членов ООН с интересом наблюдают за попыткой России пересмотреть правила игры. Особенно важно, что эту пока ещё достаточно пассивную «фрону» американскому лидерству возглавляют такие экономические и демографические гиганты как Китай и Бразилия^[10]^[11].

Разумеется, риски для России в настоящее время крайне велики — страна стоит перед угрозой нарастающего экономического давления и расширения санкционных ограничений, которые в перспективе могут привести к социальной и политической дестабилизации. Кроме того, сохраняется (и возможно увеличивается) опасность распространения в России деструктивных политических практик с территории Украины, включая угрозы сепаратизма, терроризма и проникновения различных радикальных элементов в государственные структуры.

Однако принципиально важно отметить следующее: вступив в результате Крымского кризиса в конфликт с Соединёнными Штатами и их союзниками, Россия не просто обозначила свои интересы на полуострове, но и заявила о своём принципиальном нежелании подчиняться неформальным правилам, сложившимся по итогам холодной войны. Именно этим

и объясняется острота противостояния — суть Крымского кризиса заключается не в принадлежности полуострова, а в оспаривании Московской существующего миропорядка, где подобные изменения возможны только и исключительно с санкции Вашингтона.

Если Россия выдержит усиливающееся экономическое давление и сможет в той или иной форме мобилизовать и структурировать пока достаточно пассивную «антиамериканскую фронду», то мир окажется в принципиально новой ситуации, которую можно обозначить как ограниченное американское доминирование. Необходимо понимать, что даже при относительно благоприятном для России развитии кризиса США на ближайшие десятилетия останутся военным, научным и технологическим мировым лидером. Однако американское лидерство отныне будет ограничиваться возможностями США мобилизовать союзников для решения того или иного вопроса и действовать в согласии с ведущей силой того или иного региона. Сформировавшийся при таком сценарии миропорядок будет отличаться, как можно предположить, некоторыми особенностями:

1. Отсутствует очевидный мировой гегемон, при этом одна из держав является лидером по большинству ключевых показателей (вооружённые силы, экономика, инновации, «мягкая сила») и пытается выступать в роли международного арбитра;

2. Ни одна из держав в действительности не претендует на глобальную гегемонию и не стремится к обретению такой гегемонии;

3. В каждом значимом регионе мира определяется региональный лидер, либо начинается борьба нескольких держав за региональное лидерство. Региональные державы обозначают свои «сферы интересов» в сопредельных территориях.

4. Проникновение «внешних» региональных лидеров в соседнюю «сферу интересов» рассматривается как бесспорно агрессивный акт;

5. Экономическая глобализация уступает место процессу глокализации, формируются новые и усиливаются старые региональные интеграционные проекты;

6. Общая деидеологизация международных отношений. Сближение ценностных ори-

ентиров всех основных участников системы и маргинализация крайних идеологий;

7. Рост интенсивности и периодичности локальных конфликтов, конфликты региональных лидеров с «малыми странами» и конфликты между региональными лидерами с использованием «малых стран» и негосударственных политических акторов;

8. Относительно динамичная система блоков и союзов, общая ремилитаризация международных отношений с учётом существенных изменений в военном деле;

9. Международные конференции как организационная форма для поиска консенсуса между лидерами регионов. Сохранение только представительских функций за институтами Ялтинско-Потсдамской системы. Ослабление роли ООН.

При этом необходимо учитывать, что само по себе создание нового миропорядка не означает улучшение общего положения всех его участников. Напротив, ослабление позиций США, вероятно, переведёт к росту конфликтов в мире. Известно, что при биполярном разделении планеты число локальных конфликтов было относительно невелико, а с установлением американской гегемонии оно существенно увеличилось. Вероятно, с закатом американского лидерства конфликтов на планете станет ещё больше и их интенсивность повысится.

Отсутствие как единственного мирового гегемона, так и жёсткого разделения на два блока, естественным образом приведёт к более гибкой системе союзов — региональные лидеры будут образовывать временные союзы для решения той или иной глобальной или локальной проблемы в выгодном для себя ключе. Например, уже сейчас можно наблюдать за неожиданным сближением по целому ряду вопросов позиций России и Турции — члена НАТО, имеющего серьёзные амбиции в ближневосточном регионе, часто вступающие в противоречие с интересами Соединённых Штатов и их союзников из числа монархий Персидского залива.

Можно заключить, что Россия в Крыму начала очень опасную внешнеполитическую игру, которая чревата для неё самыми болезненными потрясениями. Однако сама ситуация конфликта открывает перед Москвой коридор возможностей — ведь именно конфликт, как показывает

история, позволяет выработать новые правила и сформировать новые принципы международной жизни. И если после холодной войны Россия (как и весь мир) была поставлена перед американской гегемонией как перед совершившимся фактом, то теперь Москва может повлиять на формирование нового миропорядка. Для этого России недостаточно просто заявить о своих интересах в Крыму, на Украине или на постсоветском пространстве в целом. Россия должна сформулировать привлекательную модель новой глобальной архитектуры международных отношений. Именно от этого будет зависеть и то, какое место в ней займёт сама Москва.

Строительство новой системы международных отношений потребует от всех ведущих мировых игроков гибкости и готовности вырабатывать принципиально иные правила общежития. Однако уже сейчас можно пред-

положить, что новый (возможно, оправданно называть его «крымский») миропорядок будет отличаться большей нестабильностью и станет, вероятно, походить на Венскую систему международных отношений, господствовавшую в XIX в.

При всех известных минусах, стоит помнить, что Венская система завершила период революционных войн и охраняла Европу и мир от глобального конфликта вплоть до 1914 г. Возможно, в 2014 г. мы наблюдали завершение целой эпохи 1914–2014 гг., неразрывно связанной с мировыми войнами и их последствиями. Мир, быть может, наконец-то преодолевает издержки XX в. (схватка за планетарное господство, конфликты идеологий, система замкнутых блоков) и возвращается к своему естественному состоянию постоянного поиска баланса сил и интересов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Webe С. *International Relations Theory: A Critical Introduction*. London, 2005.
2. Тэтчер М. *Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира*. М., 2012. С. 34.
3. Черняев А. С. «Горбачев–Буш: встреча на Мальте в 1989 году» «[Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный»: http://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_152/
4. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, 1992.
5. Тоффлер О. *О смещении власти: знание, богатство и принуждение на пороге 21 века*. М., 1991.
6. Мюллерсон М. Два мира — два права? // *Россия в глобальной политике* / «[Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный»: <http://globalaffairs.ru/number/Dva-mira—dva-prava-16587>
7. Brzezinski Zb. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. New York. 2004.
8. Krauthammer С. *The Unipolar Moment by*, Foreign Affairs, Winter 1990/1991.
9. Люттвак Э. *Стратегия. Логика войны и мира*, М., 2012.
10. Результаты голосования по Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН А/RES/68/262 о территориальной целостности Украины «[Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный» http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=/english/&Lang=R; http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=21375#Uzhe8Kh_u9Y
11. Манойло А. В. Информационное противоборство в условиях психологической войны. // *Закон и право*. — 2003. — № 12. — С. 31–34.
12. Бородинов Е. Н. Анализ крымской внешнеполитической операции // *Мировая политика*. — 2015. — 1. — С. 81–88. DOI: 10.7256/2409–8671.2015.1.12586. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12586.html
13. Гушер А. И. Политический кризис на Украине // *Мировая политика*. — 2014. — 3. — С. 15–26. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.3.11502. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11502.html
14. Ласария А. О. Особенности этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве // *Международные отношения*. — 2015. — 1. — С. 75–77. DOI: 10.7256/2305–560X.2015.1.13507.
15. Гушер А. И. Кризис на Украине: геополитические и геостратегические аспекты // *Мировая политика*. — 2014. — 4. — С. 79–89. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.4.11605. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11605.html

16. Бочарников И. В. Украинский кризис как элемент пояса стратегического окружения России // *Мировая политика*. — 2014. — 4. — С. 7–32. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.4.11617. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11617.html
17. Виноградова Е. А. Роль публичной дипломатии АЛБА в урегулировании сирийского конфликта // *Мировая политика*. — 2015. — 1. — С. 55–65. DOI: 10.7256/2409–8671.2015.1.12619. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12619.html
18. Карпович О. Г. Международные организации и их роль в предупреждении, урегулировании и разрешении этнополитических конфликтов // *Национальная безопасность / nota bene*. — 2014. — 3. — С. 398–405. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.3.11786.
19. Манойло А. В. Стратегии «управляемого хаоса» в условиях хаотизации международных отношений: миф или реальность? // *Мировая политика*. — 2014. — 1. — С. 1–3. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.1.10750. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10750.html
20. Арляпова Е. С. Россия — Сербия: уроки и перспективы интеграции // *Международные отношения*. — 2014. — 3. — С. 374–383. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.3.12040.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Webe S. *International Relations Theory: A Critical Introduction*. London, 2005.
2. Tetcher M. *Iskusstvo upravleniya gosudarstvom: strategii dlya menyayushchegosya mira*. M., 2012. S. 34.
3. Chernyaev A. S. 'Gorbachev–Bush: vstrecha na Mal'te v 1989 godu' [Elektronnyi resurs]. *Rezhim dostupa: svobodnyi'*: http://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_152/
4. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, 1992.
5. Toffler O. *O smeshchenii vlasti: znanie, bogatstvo i prinuzhdenie na poroge 21 veka*. M., 1991.
6. Myullerson M. Dva mira — dva prava? // *Rossiya v global'noi politike* / [Elektronnyi resurs]. *Rezhim dostupa: svobodnyi'*: <http://globalaffairs.ru/number/Dva-mira—dva-prava-16587>
7. Brzezinski Zb. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. New York, 2004.
8. Krauthammer C. *The Unipolar Moment* by, *Foreign Affairs*, Winter 1990/1991.
9. Lyutvak E. *Strategiya. Logika voyny i mira*, M., 2012.
10. Rezul'taty golosovaniya po Rezolyutsii General'noi Assamblei OON A/RES/68/262 o territorial'noi tselostnosti Ukrainy [Elektronnyi resurs]. *Rezhim dostupa: svobodnyi'* http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=/english/&Lang=R; http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=21375#Uzhe8Kh_u9Y
11. Manoilo A. V. *Informatsionnoe protivoborstvo v usloviyakh psikhologicheskoi voyny*. // *Zakon i pravo*. — 2003. — № 12. — S. 31–34.
12. Borodinov E. N. *Analiz krymskoi vneshnepoliticheskoi operatsii* // *Mirovaya politika*. — 2015. — 1. — С. 81–88. DOI: 10.7256/2409–8671.2015.1.12586. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12586.html
13. Gusher A. I. *Politicheskii krizis na Ukraine* // *Mirovaya politika*. — 2014. — 3. — С. 15–26. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.3.11502. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11502.html
14. Lasariya A. O. *Osobennosti etnopoliticheskikh konfliktov na postsovetskom prostranstve* // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. — 2015. — 1. — С. 75–77. DOI: 10.7256/2305–560X.2015.1.13507.
15. Gusher A. I. *Krizis na Ukraine: geopoliticheskie i geostrategicheskie aspekty* // *Mirovaya politika*. — 2014. — 4. — С. 79–89. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.4.11605. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11605.html
16. Bocharnikov I. V. *Ukrainskii krizis kak element poyasa strategicheskogo okruzeniya Rossii* // *Mirovaya politika*. — 2014. — 4. — С. 7–32. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.4.11617. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11617.html
17. Vinogradova E. A. *Rol' pUBLICHNOI diplomatii ALBA v uregulirovanii siriiskogo konflikta* // *Mirovaya politika*. — 2015. — 1. — С. 55–65. DOI: 10.7256/2409–8671.2015.1.12619. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12619.html

18. Karpovich O. G. Mezhdunarodnye organizatsii i ikh rol' v preduprezhdenii, uregulirovanii i razreshenii etnopoliticheskikh konfliktov // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. — 2014. — 3. — С. 398–405. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.3.11786.
19. Manoilo A. V. Strategii 'upravlyaemogo khaosa' v usloviyakh khaotizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'? // Mirovaya politika. — 2014. — 1. — С. 1–3. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.1.10750. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10750.html
20. Arlyapova E. S. Rossiya — Serbiya: uroki i perspektivy integratsii // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2014. — 3. — С. 374–383. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.3.12040.